

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNET CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

74

Человек все более перестает быть для себя самого объектом по мере того, как сферой его интересов становится личность (своя или чужая). Религия знает это изначально в терминологии неслия-

ности и нераздельности Божественной и человеческой реальностей. Бога нельзя искать только как объект!

Игумен Вениамин

Все по правде, государи мои, все по правде —
Нижеследующее, современнички, имело место.
Заверяю, что чего-нибудь да ради
Я не выбрала в данном случае темпа presto.

Марина Кудимова

Знакомство с древнерусским городом начинается обычно в тот момент, когда подъезжаешь к нему издалека. Каждый старый город открывается своеобразным пейзажем-вступлением, отражающим в себе, как в зеркале, основные элементы архитектурного облика этого города.

*Савелий
Ямичков*

И все-таки хорошо было бы преодолеть традицию и приблизить русского читателя не только к русской же "Псалтири", но и к древнееврейским теһилим. Тогда, независимо от того, наделен ли он даром веры или нет, он лучше, совершеннее, полнее осознает и прочувствует, что значат слова псалмопевца.

Шимон Маркиш

Очнулся я в каком-то грязном клубящемся облаке, со свистом рассекающем окружающее материальное пространство, режущем глаза сухой пылью, душащем рот, уши, нос. Я немедленно вступил в схватку со стихией, и вскоре моя борьба увенчалась успехом.

Евгений Попов

Главный редактор: Игорь Виноградов
Зам. главного редактора: Игорь Тарасевич
Ответственный секретарь: Сергей Юров
Зав. редакцией: Вячеслав Лютыи
Зав. отделом распространения: Эля Басманова

Редакционная коллегия:

**Василий Аксенов • Виктор Астафьев • Ценко Барев •
Николас Бетелл • Александр Блок • Иосиф Бродский •
Владимир Буковский • Армандо Вальядарес •
Галина Вишневская • Георгий Владимов •
Ежи Гедройц • Густав Герлинг-Грудзинский •
Пауль Гома • Милован Джилас • Пьер Дэкс •
Эжен Ионеско • Фазиль Искандер • Оливье Клеман •
Роберт Конквест • Наум Коржавин • Эдуард Кузнецов •
Николаус Лобковиц • Эдуард Лозанский •
Эрнст Неизвестный • Амос Oz • Булат Окуджава •
Ярослав Пеленский • Норман Подгорец • Андрей Седых •
Виктор Спарре • Витторио Страда • Юзеф Чапский •
Карл-Густав Штрём • Юлиу Эдлис •**

Корреспонденты «Континента»

Италия	Сергей Рапетти Sergio Rapetti via C. Hajech 10 20129, Milano, Italia
США	Эдуард Лозанский Edward D. Lozansky 3001 Veazey Terrace, N. W. Washington, D. C. 20008 USA
Япония	Госуке Утимура Higashi-Yamato, Hikariga-oka 10-7 189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются. При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент» обязательна.

Название журнала «Континент» – © В. Е. Максимова

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит четыре раза в год

МОСКВА – ПАРИЖ

74

Издательство «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

КОНТИНЕНТ – CONTINENT

Совместное издание

Редакции журнала «Континент»,
Ассоциации друзей журнала «Континент»
(Париж, Президент Ассоциации и основатель-учредитель
журнала «Континент» **ВЛАДИМИР МАКСИМОВ**),
Издательства «Московский рабочий»

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Кудимова <i>Забор. Эпистолярная быль</i>	7
Евгений Попов <i>А что все это значит? Происшествия последних лет</i>	26
Владимир Салимон <i>Восемь стихотворений</i>	68
Руслан Киреев <i>Из поздней прозы</i>	74
Литературный дебют Наталья Ванханен <i>Во тьму синь-морей. Стихотворения</i>	104
РОССИЯ	
Дмитрий Орешкин <i>География духа и пространство России</i>	108
Юрий Каграманов <i>Экономика ± Икономия</i>	127
ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ	
Иван Беллюстин <i>Русь православная</i> Публикация Е. Бургиной	141
<i>Письма Варлама Шаламова</i> Публикация Б. Лесняка	159
РЕЛИГИЯ	
Христос Яннарас <i>Вера Церкви. Главы из книги «Азбука веры».</i> Перевод с новогреческого Галины Вдовиной	180

<i>Церковь: образ существования, побеждающий смерть.</i> Выступление в Марселе 15 марта 1992 года	194
Игумен Вениамин (Новик) <i>По образу и подобию</i>	202
Георгий Федотов <i>Древо на камне.</i> Послесловие А. Кырлежева	218
ГНОЗИС	
Андрей Зубов <i>Воскресение или развоплощение?</i>	238
Шимон Маркиш <i>«Господь – сила моя и песнь...»</i>	255
ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ	
Елена Степанян <i>Понятный смысл правдивых разговоров</i>	268
З. Миркина, Г. Померанц <i>Выход в пространство свободы</i>	283
ИСКУССТВО	
Савелий Ямщиков <i>Записки художника-реставратора</i>	312
ПИСЬМА В «КОНТИНЕНТ»	339
РАЗНОЕ	
«Континент» в 1993 году	346
От редакции	349

ПИСЬМА ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В наших судьбах – Шаламова и моей, при всем различии, есть много общего. Мы оба, будучи студентами, были арестованы почти в одном возрасте: Шаламову шел двадцать второй год, мне – двадцать первый. Оба попали в одну и ту же тюрьму – Бутырскую. Между датами наших арестов пролегло восемь напряженных лет.

Второй арест Шаламова по времени совпал с моим. Варлам Шаламов был арестован 12 января 1937 года, я – 1 ноября. Оба в 1937. Первые шесть месяцев этого мрачного года резко отличались от последующих и по стилю ведения следствия, и, главное, по нормам юридическим и нравственным, если о таковых можно вообще говорить. Судьбы арестованных, по сути, были предрешены еще до ареста. Но до июля 1937 года не было пыток. По крайней мере, в том садистском, изуверском исполнении, которое господствовало далее в следственных изоляторах страны до XX съезда, а позже, в эпоху застоя несколько «модифицировалось».

На следствии 1937 года Шаламова не били, не истязали. Его осудили за то, что единожды был уже «бит», и дали скромный по тем временам срок – 5 лет. Я попал в тюрьму после того, как было дано «высочайшее» разрешение в следствиях для получения «нужных» показаний не стесняться. Со мной уже не стеснялись – меня били. Мне было предъявлено обвинение по статье 58 пункты 8 и 11 – участие в контрреволюционной террористической организации.

Во время следствия, испытывая свою волю, я бросил курить, хотя курил уже десять лет. Я не признал себя виновным, не опорочил других... Снова закурил лишь тогда, когда, зачитав постановление особого совещания, меня перевели в тюремную церковь, превращенную в пересыльный корпус.

Из Бутырской тюрьмы мы оба, Варлам и я, попали на Колыму, на соседние прииски – Партизан и Верхний Ат-Урях, в забои с открытой добычей золота. Оба в два первые года работы в забое, приставленные к тачке, кайлу и лопате с 12–14-часовым рабочим днем в зной короткого лета и в долгую зимнюю стужу от голода, холода, непосильного труда и отчаяния успели дойти и до предельного физического истощения (отсюда, кстати, и слово «доходяга»). Я был на десять лет моложе Варлама, физически подготовленнее и потому продержался в забое дольше. Мы оба стояли уже одной ногой на дне ледяной колымской могилы,

когда лагерная медицина пришла нам на помощь, оживила и оставила в своих рядах. Меня – раньше, Варлама – несколько позже. Именно это сохранило нам жизнь.

Мы познакомились с Шаламовым в больнице Севлага на Беличьей, где я работал фельдшером и операционным братом двух хирургических отделений. А Варлама после длительного и упорного лечения, уже окрепшего, готовили к выписке. Он пребывал в тоске и тревоге, предвидя прищковые будни. Он искал какой-нибудь зацепки, чтобы отодвинуть эту встречу с полигонами уничтожения. Я без труда понял его заботы, еще недавно бывшие и моими. Я поговорил о нем с главврачом Ниной Владимировной Савоевой, которая была еще и хирургом, относилась ко мне с доверием и симпатией. У нас обоих уже сложилось представление о Шаламове. Мы относили его к тому тонкому, хрупкому, трудновосстановимому социальному слою, именуемому интеллигенцией, который формирует культуру и нравственное лицо народа. Сделано было все возможное, чтобы оставить Шаламова в больнице. Варлам оставался на Беличьей до конца 1945 – начала 1946-го года, когда на Беличьей уже не было ни Нины Владимировны, ни меня.

В 1946 году мой друг по В.Ат-Уряху и Беличьей, врач Андрей Пантюхов, в пересыльной зоне Сусумана снял Шаламова с этапа на Индигирку, а несколько позже помог ему попасть на курсы фельдшеров, что и определило его лагерную судьбу до конца срока. Более подробно о Шаламове, о наших взаимоотношениях я рассказываю в книге воспоминаний «Неоконченные споры», в главе, ему посвященной. Отдельные главы этой книги печатаются в журналах. Надеюсь, что в скором и недалеко будущем книга увидит свет.

1 ноября 1945 года, когда я уходил из больницы в Ягодное получать справку об освобождении, окончив восьмилетний срок, до полпути меня провожал Варлам. Он был грустен. Мы оба понимали, что на Беличьей ему долго не продержаться, – там у него не оставалось друзей. Мы пожелали друг другу удачи.

Шаламов освободился в 1951 году. В 1953-м он приезжал в Магадан хлопотать о выезде с Колымы. В Магадане остановился у нас. Я уже был женат, росла дочь, жили мы в общежитии медработников. Тогда Шаламову в выезде отказали.

Следующая встреча произошла в Москве в 1957 году. С этого времени началась регулярная переписка и встречи, когда случалось нам наезжать в Москву. До 1962 года писем я не сохранял вообще. Жили мы в крайне стесненных условиях. Комната являлась и спальней, и детской, и кухней, и столовой. Семья, работа, учеба в заочном техническом вузе, определенный провинциализм мой не располагали к хранению писем.

Из писем Шаламова сохранилась примерно половина –

более сорока. И сейчас, считая своевременным опубликовать какую-то часть их, я должен заметить, что письма эти не столько о литературе, писательстве, сколько о характере наших взаимоотношений и о самих наших характерах. И, конечно, о времени.

Склонен думать, в письмах этих четко прорисовывается характер и темперамент Шаламова, и также его оценки ряду людей, книг и социальных явлений. Для будущих исследователей творчества и жизни Варлама Шаламова, а также историков и читателей письма эти, как и любой другой свидетельский документ, представят определенный интерес.

Я не включил в подборку письма, связанные с хлопотами о справке, подтверждающей внутрилагерные перемещения Шаламова и перечень работ, на которых он использовался. Справка такого рода была необходима Шаламову для получения пенсии. Голозное учреждение лагерей Колымы, куда я вынужден был обращаться многократно, не торопилось с ответом, и моя тяжба затягивалась по времени. Начальника учетно-распределительного отдела «Почтового ящика № ...» Нозля Владимировича Журавлева помню до сих пор, словно расстались вчера.

Не вошли письма о лекарствах и рецептах, которые мы посылали Варламу из Магадана в Москву. И письма интимного содержания, срок которым еще не пришел.

В 1949 году, выезжая с Колымы на «материк» в свой первый после освобождения из лагеря отпуск, я был потрясен, услышав на улицах не только сибирских городов и весей, но и стоального града «родной» тюремный жаргон, перешагнувший через колючую проволоку «Архипелага» и обсеменивший все зазонное пространство. Тем не менее, почти уверенный во всезнании молодого читателя этих дней, в примечаниях я даю все же некоторые пояснения.

Б. ЛЕСНЯК

**Борис
ЛЕСНЯК**

— родился в 1917 году в Чите. В 1937 г., будучи студентом второго курса Московского медицинского института, арестован. Особым Совещанием НКВД приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей на Колыме, из которых четыре года проработал в открытом забое прииска Верхний Ат-Урх. В 1955-м полностью реабилитирован. Закончил Всесоюзный заочный политехнический институт.

Москва, 18 января 1962

Дорогие Нина Владимировна¹ и Борис.

У меня — просьба к вам обоим — помочь мне вспомнить одну смерть. На «Беличьей»² в 1943 году умер (в отделении Калембета) Роман Кривицкий, бывший ответственный секретарь «Известий», доходяга опухший такой. Койка его стояла рядом с моей, но я выписался, а он — оставался, и судьбы его я не знаю. Слышал, что умер тогда же. Не вспомните ли точнее, подробнее все о нем?

О.С.³ шлет вам обоим привет.

Как дела с переездом в Москву?

Ваш В.Шаламов.

Москва, 22 февраля 1962.

Дорогой Борис.

О Романа Кривицком никого запрашивать не надо — об этом позаботится его брат.

В письме твоем очень много вопросов. Попытаюсь ответить, как могу и понимаю. Писать нужно все время, не стремясь обязательно к печатанию. Это вещи (нрзб) разные — печататься и писать. Конечно, рассказ психологического плана есть самый достойный род прозы. И уж кому, как не тебе, заставить проработать подробности, мелочи для этой цели. Надо иметь только волю отвлечься от текущего дня, вернуться к «утраченному времени», перечувствовать тот, прежний мир — обязательно с болью душевной, а без боли ничего не получится. Словом, надо пережить, перечувствовать больное, как бы разбередить раны. Ни о каких «позициях» и «реализмах» думать во время работы не надо, да и не писателя это дело, а дело критиков, литературоведов и т.д.

Присылай рассказ, прочту охотно. Убежден в его цельности, новизне, остроте зрения.

¹ Жена Б.Н.Лесняка. — *Ред*

² Беличья — поселок геологов, на базе которого была развернута Центральная больница Севлага (*Здесь и далее примечания Б.Лесняка*).

³ Ольга Сергеевна Неклюдова, вторая жена В.Шаламова.

Сейчас Солженицын показывает нашим «писателям», что такое писательский долг, писательская честь. Все три рассказа его – чуть ли не лучшее, что писалось за 40 лет.

«Сюжеты», как ты выражаешься, вернутся, если поработать прилежно. Ты не разучился наблюдать жизнь, а не приобрел еще писательских навыков, как мне кажется.

О лагере надо писать обязательно. Скорее. Память – инструмент несовершенный, ненадежный. Потому у тебя и затруднения с «сюжетом». Надо вернуться не столько мыслями, сколько чувствами в лагерный мир.

За почерк меня прости. Это не по торопливости, не по небрежности, это – вследствие моей болезни – дрожит рука и равновесие не могу сохранить.

Что касается Нефедовых, Лившицев и Николаевых, то недавно ко мне приезжал журналист Виленский (он был недолгое время на Колыме в Берлаге – уже после войны, так что ничего «настоящего» лично не видел)¹ и просил у меня дать стихи для альманаха «На Севере дальнем». Виленский знает тебя. Когда-то года 4 назад я с господином Нефедовым и господином Николаевым обменялся письмом по такому же точно поводу.

В последнем № альманаха (2 – 1962) напечатана повесть Козлова о Берзине.² Первые главы крайне поверхностны, слабы. Вишера (на Северном Урале) занимает в берзинской жизни важное место – он проводил там правительственный эксперимент особого рода (отнюдь не секретный), что и было содержанием его работы на Вишере – а в повести об этом даже не упомянуто. Козлов даже не догадывается о сути вещей.

Там были люди, его сотрудники, не мельче самого Берзина. Но, конечно, это – не Эпштейн и не Алмазов (бухгалтер и плановик!), и не Эпштейна и Алмазова имеют в виду, когда говорят о «вишерцах» на Колыме. Я ведь Берзина знаю, был с ним на Вишере, знаю все его окружение. В Москве живет немало людей тогдашней Вишеры, и можно только удивляться, что Козлов за 10 лет собрал

¹ Тут Шаламов ошибается. Виленский хлебнул лиха полной мерой, участвовал в лагерном восстании и очень плодотворно занимался общественной деятельностью после освобождения.

² Берзин Э.П. – бывший офицер русской армии – помог ВЧК в разоблачении «заговора послов» Рейли–Локкарта и в подавлении оппозиции левых эсеров. В 1929 г. Берзин возглавил строительство Березниковского химкомбината на Северном Урале. В.Шаламов, отбывавший на Вишере адм. ссылку 1929 года, был там кем-то вроде старшего нарядчика и находился в свите Берзина, поэтому хорошо знал все его окружение. С 1932 по 1937 год Берзин был начальником Дальстроя НКВД СССР.

такой удивительно несерьезный и беспечный материал. Не знаю, что будет дальше. Ну, бог с ним.

Нине Владимировне – мой сердечный привет. Это письмо вам обоим, и Нине Владимировне и тебе.

Здоровье мое плохое. Впрочем, я продолжаю верить, что начатое на XX съезде партии не остановится и поборет все препятствия, которые очень велики.

Вот тебе сюжет для рассказа. «История болезни» – по форме, по бланку, каких были тысячи, десятки тысяч. С лабораторным анализом, следами переломов от побоев, пеллагры. Анамнез морби и анамнез вита. И смерть. И секционный акт, где диагноз не сходится, но подгоняется под какой-нибудь «нейтральный».

Никогда еще, кажется, такого длинного письма я тебе не писал.

О.С. шлет вам обоим привет. Желает счастья, бодрости.

Пиши.

В.

Москва, 23 марта 1963

Дорогой Борис.

Прости меня, что отвечаю поздно – здоровье так плохо, что проходят недели, пока напишешь два слова (в этом и ответ на твои настоятельные просьбы сообщить о моих планах). Рассказ «Три Д» неудачен – за текстом не чувствуется трагедии. Райский же хвостик в виде дочери, играющей на пианино, – это дешевый газетный штамп. Даже не беллетристический, а газетный – прием, который может угробить любой материал.

Помнить нужно вот что: успех художественного произведения решает его новизна. Эта новизна многосторонняя: новизна материала или сюжета, идеи, характеров, психологических наблюдений, которые должны быть новы, тонки и точны, новизна описаний в пейзаже, в портрете, свежесть и своеобразие языка. Второе, что тебе надо очень хорошо понять: правда действительности и художественная правда – вещи разные. Истинно художественное произведение – всегда отбор, обобщение, вывод. В рассказе нужна выдумка, вымысел, «заострение сюжета». К основной схеме должны быть присоединены наблюдения, разновременные, ибо рассказ – не описание случая. Третье: наша сила в нашем материале, в его достоверности. И любой прямой мемуар в полном согласии с датами и именами более «соответствует» нашим знаниям о предмете.

У произведения, имеющего вид документа, – сила особая.

Конечно, есть художники, добивающиеся успеха в преодолении действительности, не потерявшие силу мемуара, преодолевая мемуар (Достоевский с «Записками из мертвого дома», Солженицын с «Одним днем Ивана Денисовича»). Но уже Толстой в «Воскресении» с его тюремными сценами слабоват, второсортен.

Я думаю, что тебе нужно непрерывно писать, (нрзб), не предлагая пока Козлову¹ того, что выйдет из-под пера.

Не сердись на меня за такой «отзыв». Я бы мог найти в «Трех Д» и плюсы, и достоинства, но по рассказу вижу, что кое-что важное в литературном деле ушло из поля твоего зрения. Пиши. Ты же рассказчик гоголевского склада, обличитель: и вдруг... пианино.

Нине Владимировне мой сердечный привет.

Твой В.

О.С. шлет тебе и Н.В. свои лучшие пожелания.

Москва, 8 января 1964.

Дорогой Борис.

Жестокий грипп не дает мне возможности поблагодарить тебя достойным образом за твой отличный подарок. Самое удивительное, что стланик² оказался невиданным зверем для москвичей, саратовцев, вологжан. Нюхали, главное — говорили: «пахнет елкой». А пахнет стланик не елкой, а хвоей в ее родовом значении, где есть и сосна, и ель, и можжевельник. Словом — жму руку.

Привет Н.В.

Мама твоя звонила перед Новым годом.

Твой В.Шаламов.

¹ Козлов Н.В. — был некоторое время главным редактором Магаданского книжного издательства и писал роман о «солдате революции» Э.П.Берзине «Хранить вечно».

² Стланик кедровый — единственное на Колыме хвойное вечнозеленое растение. К Новому, 1964 году я послал Шаламову из Магадана в Москву несколько веток стланика, вырытых из-под снега на марчечанской сопке. Этот подарок послужил Шаламову поводом для написания двух произведений: рассказа «Воскрешение лиственницы» и стихотворения «Я не лекарственные травы в столе храню...», опубликованного в книге стихов «Дорога и судьба».

Москва, 26 апреля 1964

Дорогой Борис.

В № 4 «Нового мира» за этот год, только что вышедшем, помещены воспоминания о Колыме одного из колымских доходяг — генерала армии Горбатова («Годы и войны»). Речь идет о 1939 годе, о Мальдяке и о больнице 23-го километра. Обязательно найди и прочти. Это — первая вещь о Колыме, в которой есть дыхание лагеря (и истина), хотя в уменьшенном «масштабе». Я думаю, что ты вспомнишь и то, что забыл Горбатов, — фамилию того фельдшера, который работал на Мальдяке в 1939 году. Прошу ответить мне незамедлительно.

Привет Н.В.

В.Шаламов.

Москва, 4 июня 1964

Дорогой Борис.

Сердечно благодарю за великолепные фотографии, которые ты прислал. Я давно должен был написать это, да все прибалываю и не нашел сил для письма. Я не думал, что ты так чудесно делаешь эти вещи. О справках. Я написал письмо (уже давно) начальнику аркагалинской шахты (он на пенсии и живет в Москве), но никакого ответа не получил пока. Напишет и Андрей Максимович¹ (он в Москве сейчас).

Нине Владимировне мой привет самый лучший.

В.Шаламов.

Москва, 5 июня 1964

Дорогой Борис.

Пишу карандашом потому, что котята изгрызли авторучку, а

¹ А.М.Пантюхов.

новую пока не купил. Посылаю тебе текст свидетельства, заверенного в нотариальной конторе б.начальником аркагалинской шахты И.Ф.Цепковым. Это – не б. з/к, а договорник. За первые годы (с 11 авг. 1937 г. по 1 апр. 1939 г.) дает свидетельство доктор Лоскутов (я уже написал ему). Время войны (1942–1945) удостоверит, надо надеяться, А.М.Пантюхов, который сейчас в Москве. Достаточен ли текст нотариального свидетельства Цепкова? Сообщи, и я вышлю тебе подлинник (он выдается в одном экземпляре). И Лоскутов и Пантюхов были в тех же горных управлениях в годы 1937–1939 и 1942–45, что и я. И Лоскутов и Пантюхов дают свидетельства по форме, которую я посылаю.

Привет Н.В.

В.Ш.

26 июня 1964. Москва.

Дорогой Борис.

Почему ты не пишешь? Разве «деловая» сторона – единственная в наших отношениях? Ты не ответил о времени вашего возвращения в Москву, не рассказал о своих издательских делах, магаданских и столичных.

Жду писем. Привет Н.В.

О.С. и Сережа¹ приветствуют вас обоих (они оба на даче сейчас).

В.Ш.

Москва, 2 июля 1964.

Дорогой Борис.

Я сердечно благодарю тебя за рецензию, где ты выступаешь по всем критическим канонам, заслуживая отличной отметки. Но это – пустяки, я хочу написать (в связи с рецензией твоей) письмо как можно толковей, но чувствую себя очень плохо и не в силах сейчас изложить то, что хочу. Это короткое письмо как бы извинение за задержку ответа.

¹ Сын О. С. Пантюховой.

Фотография с лошадью и университетом – (нрзб) должна что-то озарить? ошеломить? – и вертится уже в голове что-то.

Н.В. привет мой сердечный.

В.

Письмо твое подробное, предваряющее телеграмму, получил, разумеется, и очень благодарен.

В.

Москва, 5 июля 1964

Дорогой Борис.

Необходимые мне документы я уже получил в Москве – сердечно тебя благодарю за все хлопоты и беспокойство.

Рецензия¹ твоя вышла чуть не в один день с рецензией В.М. Инбер (ЛГ) о той же самой книжке.

Разумеется, «трудный» и «сложный» разные понятия. Это ясно и магаданскому редактору.

Тон статьи твоей считаю во многом очень удачным, полезным и обещающим – и для тебя, и для меня. Нехорош заголовок.

Нельзя ли несколько (два-три) экземпляра «Магаданской правды» за 24 июня получить?

В общем, рецензия принадлежит перу квалифицированного литератора, знающего, на какие именно вопросы должна отвечать такая статья. «Рубежи» произвели отличное впечатление.

А если по-серьезному – я очень доволен и грамотностью статьи, и чувством, и умом.

Стихи – это ведь такая тонкая материя, где пейзаж без человеческой речи – нем, мертв. Суть «Шоссе» – в последней строке – в море, которое затаскивает бурлацкой веревкой к ангелам.

Хорошо, что примеры взяты из обеих книжек («Огниво» и «Шелест»).

Когда вы вернетесь в Москву? Осенью? Или будущей весной?

¹ Рецензия. Первая книжка стихов Шаламова «Огниво» вышла в 1961 г., вторая – «Шелест листьев» – в 1964 г. Обе книжки Шаламов прислал нам с трогательными надписями. По выходе «Шелеста листьев» я написал для «Магаданской правды» отзыв на обе книжки, дав ему название «Дорога». Редактор, не согласовав со мной, изменила название на «Север, Север...» И я и Варлам были огорчены этим нелепым заголовком.

Напиши.

Фотографии я все роздал. Ту, что в шапке, презентовал Солженицыну. А у кошки какие-то двойные глаза? Отчего бы это? Я не предполагал столь высокого качества фотографий.

О.С. и Сережа на даче. Ремонт, начатый в марте, еще не закончен.

Сердечный привет Нине Владимировне.

В.Ш.

Москва, 5 августа 1964

Дорогой Борис!

Получил твою посылку и за все благодарю. Магаданский значок изящен, символичен, но был бы еще лучше, если бы вместо елки в левой половине щита стоял стланиковый куст или лиственница — никакие другие деревья не могут быть символом Магадана, знаком Дальнего Севера, в том числе и ель. В комиссии, утверждающей проекты, должны быть люди, понимающие разницу между елью и лиственницей — именно в нашем, Колымском, лагерном плане. Для нас не всякая хвоя была символом жестокости, недружелюбия, угнетения и не всякая хвоя была знаком надежды. Очень хорош учебник географии Петрова. Благодарю за подарок. В нем, конечно, нет очень многого — и, в частности, исторического содержания и в подробностях — Колымской природы (стланик, поднимающий свои ветви среди зимы от костра и опускающий их, когда костер погаснет; грибы-великаны, будто выращенные модным гидронным способом, цветы без запаха, птицы без весеннего пения, весна без дождей и многое, многое другое), и все же работа Петрова — лучшее в своем роде издание, наиболее ответственное (поскольку это — учебник). Я вспоминаю, что в школьные географические учебники в течение сорока лет не включали одну восьмую часть Советского Союза — ту самую, о которой написана работа Иванова.¹

Теперь о вопросах принципиальных. Ты пишешь, что не понял моего замечания о стихотворении «Шоссе». Постараюсь объяснить подробнее. Стихи пишутся не для того, чтобы по ним изучали природу, топографию местности, улицы и площади. Стихи — не путеводитель по городу. Ни при возникновении замысла, ни при

¹ В.Шаламов в письмах часто вспоминает учебник географии Магаданской области В.М.Петрова, но постоянно путает фамилию автора, называя его то Ивановым, то Карповым, то Кузьминым.

записи, ни при окончательном контроле и шлифовке – нигде и никогда в творчестве не ставится <задача> изучения природы, описания природы. В стихотворении речь идет о душе, и только о душе. Более того: пока пейзаж не заговорит по-человечески – его нельзя и называть пейзажем. Это будет лишь мертвое описание, лишенное поэзии, не способное тронуть человеческое сердце. Стихотворение «Шоссе» (которое выбрано тобой как пример изображения «труженицы-дороги») написано только для того и только потому, чтобы показать, что все бурлацкое, все каторжное, что я знаю об этом море – заслуживает ангельской, небесной жизни.

Вот суть этого стихотворения, его мотив и смысл.

О рецензиях. Твоя рецензия, повторяю, мне понравилась, хотя она и написана по тем канонам, которые преподаются в школе и литературных кружках. Я должен всегда помнить, что ничего другого редакция и не напечатала бы, вероятно. По всей вероятности – это максимум возможного.

Рецензию В.М.Инбер ты оценил очень невнимательно. Дело не только в доброжелательности. В рецензии начат очень важный разговор о том, что делать с бесчисленными «самородками» вроде шелестовского и творениями Алдан-Семенова, заполнившими поэтический рынок. Можно ли простить выступления целой тучи бездарностей – только потому, что они «сидели» в свое время. Может ли простить их выступления поэзия – «пресволючнейшая штукавина». В.М.Инбер считает, что нельзя. Ибо искусству (к сожалению или к счастью, как на чей вкус) нет дела до того, страдал бездарный автор или нет. И я считаю, что нельзя. Возможно, эту мысль надо было, можно было выразить яснее. Возможно, редакции «Литературной газеты» кое-что в этом отношении следовало прояснить. Но В.М.Инбер принадлежит уже не один десяток лет к числу писателей, которых в редакциях не правят. В.М.Инбер не понравилось в «Огнive» стихотворение «Камея» (неполный текст), пока я не познакомил ее с полным текстом этого маленького стихотворения. Свое изменившееся мнение В.М. сочла нужным подтвердить публично, официально (в рецензии). В рецензии В.М.Инбер есть одна ошибка. Речь идет о стихотворении «Виктору Гюго». В.М. показалось, что это стихотворение относится к лагерю, тогда как «непопленный театр» – это Вологда моего детства, двадцатые годы, самый первый увиденный мной театральный спектакль – «Эрнани» с Н.П.Россовым (был такой в России знаменитый бродячий актер-трагик), игравший глубоким стариком роль молодого короля Карла в этой пьесе. Вот это – восхищение, ошеломление детских лет, вызванные первым театральным спектаклем, восхищение гением Виктора Гюго – я и старался выразить. (Человек, сказавший, что Виктор Гюго жил и умер мальчиком с церковного клироса – Анатолий Франс, – фигура ничтожная по сравнению с Виктором Гюго.

Вот о чем шла речь в стихотворении «Виктору Гюго». А Вере Михайловне Инбер показалось, что тут речь идет о лагере, о неопленном театре в снежной Вологде, которая кажется В.М. чуть

ли не краем света.

Я хотел написать ей об этом в письме (у меня есть ее письма), но потом передумал и оставляю ее отклик как некий общественный и литературный факт, как своеобразную аберрацию.

Лагерь был и остается Книгой за семью печатями — В.М.Инбер считает худшим наказанием смотреть «Эрнани» в снежной Вологде, дальше этого представить человеческие страдания автор «Пулковского меридиана» решается. В этой ошибке есть нечто общее с впечатлением читателей повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Большое количество читателей принимают повесть как изображение картины «ужасов» — а до подлинного ужаса там очень, очень далеко, и надо было десятилетие по крайней мере смертей, произвола (который только сейчас называется произволом, чтобы получить этот «каторжный лагерь»). Все это — такой интересный и психологически значительный оборот дела, что я решил не нарушать иллюзию.

Наконец, третий вопрос — о значении Крайнего Севера в моей работе (или творчестве, как теперь говорят). В пушкинские и даже в некрасовские времена слово «автор» обозначало «сочинитель», писатель. Теперь же пишут: «автор гола в ворота «Спартака» и так далее. Я пишу стихи с детства, а в юности собирался стать Шекспиром или по крайней мере Лермонтовым и был уверен, что имею для этого силы. Дальний Север — точнее лагерь, ибо север только в лагерном своем обличье являлся мне — уничтожил эти мои намерения. Север изуродовал, обеднил, сузил, обезобразил мое искусство и оставил в душе только великий гнев, которому я и служу остатками своих слабеющих сил. В этом и только в этом значение Дальнего Севера в моем творчестве. Колымский лагерь (как и всякий лагерь) — школа отрицательная с первого до последнего часа. Человеку, чтобы быть человеком, не надо вовсе знать и даже просто видеть лагерную Колыму. Никаких тайн искусства Север мне не открыл.

Есть одно важное наблюдение, заслуживающее особого разговора, но связанное и со сказанным только что. Писатель не должен слишком хорошо знать свой материал. Если писатель знает материал «слишком» — он переходит на сторону материала и теряет способность выступать от имени читателей, для которых он пишет (в смысле настоящего писательства, а не заказа). Читатели перестают понимать его. Связь нарушается. То, что казалось раньше важным (ему и его читателю) — сейчас кажется чужью, пустяками — и это не новое открытие, не мир, в который он может ввести читателя (это бывает всегдашней писательской задачей), а страна, где говорят на другом языке и думают по-другому. Драка из-за куска селедки важнее мировых событий — это простой пример «сдвига», «смещения масштабов». То, о чем сказано скороговоркой, походя, и автору понятно и близко (иное решение нарушает художественность словесной ткани, как примечания-сноски разрушают стихи) — для читателя требует подробного, постепенного, а главное — талантливого предварительного

объяснения. Писателю же в это время такая подготовка кажется не нужной. Да и не всегда возможно объяснить. Таких примеров ты можешь сам представить бесчисленное количество.

Вот кое-что из того, что я тебе хотел сказать по поводу и твоего письма, и твоей рецензии.

Нине Владимировне – сердечный мой привет. О.С. – на даче, а Сережа – в Прибалтике.

Жму руку.

В.Шаламов

Прошу прощения за машинку. Переписывать такое большое письмо нет сил, а черновики небрежны.

В.

Москва, 3 декабря 1964

Дорогой Борис.

По встретившейся срочной надобности сообщи мне, как можно скорее, имя и отчество Уманского¹ (Яков Михайлович или Яков Моисеевич?), а также месяц и год его смерти. Буду очень, очень благодарен. О деньгах (долге) тебе думать не надо. Пусть это будет уплата в самую последнюю очередь.

Нине Владимировне сердечный привет.

Твой В.Шаламов.

¹ Уманский Яков Михайлович (1877 г.р.) – врач, приехал в Дальстрой по договору, работал врачом в лагере. По доносу вольнонаемной медсестры, члена ВКП(б), Уманский был арестован и осужден «тройкой» НКВД к 10 годам лагерей за помощь моральную и материальную (хлеб, масло, сахар) православному священнику-заключенному. Срок свой отбыл полностью. В шестидесятые годы Шаламов написал рассказы «Вейсманист» и «Курсы». Героем и является Уманский. По просьбе Варлама я в письмах подробно рассказал ему об Уманском – о внешности, характере, круге интересов, поведении в быту и т.д. В 1950–1951 годах в Магадане я жил с Уманским в одной комнате общежития медработников. У нас были теплые, дружеские отношения. Уманский умер в 1951 году по дороге на работу. Он работал паталогоанатомом Магаданской областной больницы. Я очень переживал эту смерть. И впервые в жизни участвовал в похоронах.

И вот еще что. Нельзя ли купить в Магадане все, подобное «Географии Магаданской области», которую ты послал мне? Книжка эта — документ удивительный, очень мне нужный. Все сочинения такого рода, а также все и всяческие мемуарные работы, вплоть до книжки Вяткина — тоже. Есть ли там что-нибудь путное? Хотелось бы приобрести. Не затруднит ли тебя просьба? Отвечай об Уманском быстрее.

В.Ш.

Москва, 15 декабря 1964

Дорогой Борис.

Спасибо тебе за письмо и сведения об Уманском. Как часто бывает в рассказах, я угадал дочерей героя, угадал отношение их к отцу, хотя и не знал об этом ровным счетом ничего — все выдумал. Я написал рассказ «Вейсменист», где суть — в крепости духа, в надеждах, разбивающихся о жизнь и т.д. Если бы я получил твое письмо раньше — кое-что, вроде грузинского языка и немытого стакана, я бы мог вставить. Но рассказ уже написан. Исправлять его, переписывать — нет сил. Я никогда этого не делаю. Для сути рассказа герой должен умереть 4 марта 1953 года. Но и смерть в 51 году тоже годится.

Желаю тебе здоровья. Пиши обо всем, что есть интересного в Магадане (или было).

Н.В.Сердечный мой привет.

В. Шаламов.

Знал ли Уманский, что изобретен электронный микроскоп и хромозомная теория Моргана и Вейсмана была подтверждена экспериментально? Вот что было бы важно для рассказа. Напиши, пожалуйста.

В.

Конверт заклеен моей собственной рукой, чтоб «не пропадало доброе», как говорили в старину.

В.

Москва, 26 декабря 1964

Дорогие Нина Владимировна и Борис, поздравляю вас с Новым годом, желаю, чтобы позитивные начала нашей текущей жизни укрепились окончательно и бесповоротно. Желаю здоровья, сил. Желаю оставить Дальний Север и переехать в Москву в 1955 году – весной, конечно.

Борис. Твоя мама звонила недавно и говорила с О.С. Ты не получил ответа на свое письмо об Уманском. Я послал ответ за несколько дней до звонка твоей мамы. Сейчас план того рассказа несколько изменился (рассказ сейчас на научной консультации), и если потребуют переделки – я внесу все изменения, которые можно и должно ввести по тем материалам, которые есть в твоём письме. Сердечно благодарю.

Нельзя ли мне прислать (заказным письмом?) несколько фотографий писем¹? Сейчас настал момент, когда придется эти письма отсылать в журналы.

Твой В.Шаламов

О.С. и Сережа поздравляют вас с Н.г. и шлют вам обоим привет.

В.Ш.

Москва, 14 января 1965

Дорогой Борис.

Спасибо за книжную посылку. Не скрою, что подбор меня удивил. Мне ведь хотелось: описания географические, исторические работы, документы, дневники, записки, мемуары, исследования – все, что угодно, но не бессовестную болтовню господина Вяткина.

Из уважения к затраченному тобой труду по пересылке почтовой я просмотрел роман. Эту «книгу» написал подлец. Ведь

¹ Это письма Бориса Пастернака, писавшиеся в 1952–1953 годах Шаламову на Колыму. По тем временам для Пастернака это было смелым гражданским поступком, что Шаламов понимал и ценил. Под большим давлением Варлама я переснял те письма в Москве в самых неподходящих условиях. Я предлагал сделать фотокопии в Магадане на самом высоком уровне. Варламу не хотелось расставаться с письмами. Проявлял и печатал я уже в Магадане. Негативы этих снимков сохранились.

печатались и Вронский, Галченко¹ – неужели все исчезло? Учебник географии был превосходным подарком, и я думал, что в издательстве есть и еще кое-что дельное.

Рассказ «Вейсманист» я тебе покажу в Москве.

Разумеется, упоминая Вяткина в предыдущем письме, я думал, что это дневник, документ... Прошу прощения. Отрицательная оценка «романа» (о котором мои корреспонденты писали, как о книге, в которой есть все, кроме правды) – не желание получить из Магадана что-либо. Но поостроже, поостроже... Без повестей и рассказов.

Н.В. сердечный привет.

О.С. и Сережа шлют вам обоим свои добрые пожелания.

В.Ш.

Москва, 1 марта 1965

Борис, некоторое время назад звонила твоя мама – почему я тебе ничего не пишу... Но я тебе ответил на твое письмо и посылку. Мой скептицизм тебе не следует принимать всерьез – в конце концов то, что тебе покажется интересным и полезным для меня – то и посылай. У меня вот такая к тебе просьба, необычая. Небезызвестная Женья

¹ В. Вяткин – договорник, член ВКП(б), много лет руководил ремонтными мастерскими промышленного района. Единственной рабочей силой на Колыме были заключенные. На склоне лет Вяткиным написана книга «Человек рождается дважды». В ней кое-что рассказано и о заключенных. Книга не раскрывает всей правды о Колыме, ее трагедийном облике, о цене, заплаченной за освоение этого края. Книгу я прислал Варламу по его просьбе. Резкие оценки и безапелляционность суждений – присущие Шарламову черты – к середине шестидесятых годов резко обострились. Б.Вронский – геолог, приехавший на Колыму в 1931 году. Им написана серьезная документальная книга о колымском золоте с массой фотографий, описаний природных и климатических особенностей промышленного района. Книга называется «На золотой Колыме». (М.: Мысль). Книги Галченко я не помню.

Гинзбург¹ выдает здесь себя не за то, кем она была, и мне хотелось бы получить от тебя разъяснений по этому поводу, справку, хотя бы в виде впечатления. Я ее и сам немножко помню и знаю, но очень мало. Привет Нине Владимировне. Жду вас обоих в Москву.

Ваш, твой В.Шаламов

Удивительная вещь. Никто из тех, кому я показывал присланную тобой ветку стланика – не представляют, не воображают себе это растение. Им легче химеры с Собора Парижской богородицы вообразить, чем стланик. Большое спасибо тебе за подарок.

В.Ш.

Москва, 10 июля 1967

Дорогие Нина Владимировна и Борис.

Прошу принять с добрым сердцем мою новую книжку «Дорога и судьба».

Борис, пошли несколько лучших своих фотографий Магадана

1

Женя Гинзбург – Евгения Семеновна Гинзбург, автор автобиографической повести «Крутой маршрут», мать писателя Василия Аксенова. В 1944 и 1945 годах я, Шаламов и Гинзбург одновременно находились в больнице Севлага на Беличьей. Я – в качестве фельдшера и операционного брата хирургических отделений, Шаламов – после выздоровления был оставлен в больнице культторгом. Гинзбург – в качестве сестры-хозяйки дома отдыха (оздоровительного пункта) для заключенных забойщиков прииска Бурхала, в те годы передового прииска. ОП находился на территории больницы и в административном ей подчинении. Положение Жени Гинзбург было привилегированным: она жила при ОП одна в изолированной комнате с отдельным входом, питалась из «котла» отдыхающих, а не из общего больничного, как весь медперсонал. Продукты для отдыхающих отпускались по приисковым нормам первой категории! Ни один врач этой больницы не имел таких условий. Шаламов и я считали Гинзбург партийным фанатиком из элитарного слоя и сторонились ее. Лагерную судьбу Жени мы знали. Она была более чем благополучной на фоне вопиющей трагедии ее союзниц по женскому лагерю. В Москве, по словам Шаламова, Женя выдавала себя за лагерную страдальницу и страстотерпицу, каковой не была. Сохранившиеся групповые снимки медперсонала больницы красноречиво об этом свидетельствуют.

(бухты, моря, гор), какие ты считаешь лучшими. Все, что у меня было, я давно раздарил. Это надо сделать срочно. Фотография для книжки, как ты видишь, твоя.

С глубокой симпатией

В. Шаламов.

Еще просьба. Купить в Магадане все экземпляры книжки О.Мандельштама «Разговор о Данте». Эту работу только что выпустило из-во «Искусство». Но в Москве она продавалась час. И еще: если возможно, купи с десятка экземпляров моей книги – пригодится. В Москве ее в продаже нет.

В.

Борис¹.

Вот тебе подарок от Надежды Яковлевны. Книжка Мандельштама вряд ли до Магадана дойдет. Здесь она продавалась час. Издание этой книги – первой работы Мандельштама за сорок лет – большое событие истории русской культуры.

Спасибо тебе за фотографии. Кажется, раньше были более выразительные: море, бухта, город, уходящая вверх дорога.

Если ты остаешься на зиму в Магадане и на осень, то купи учебник Карпова по колымской географии для восьмого класса. И поищи старых газет и журналов 1935, 1936, 37, 38 годов, журнал «Колыма» и другие. И еще просьба: выясни год и род смерти Александра Александровича Тамарина, б. заведующего Колымской опытной с/х станцией и вообще растеноведа известного, награжденного вместе с Берзиным в 1935 году орденом Ленина. В 1937 году летом Александр Александрович был еще жив и работал не то на Дукче, не то в Магадане. Я знал его по Вишере.

Привет Н.В.

Пиши. В.Ш.

Дорогой Борис.²

Раз ты остаешься в Магадане, не мог ли бы ты собрать любые материалы о колонистах, о Колонбюро. Когда все это началось и кончилось?

¹ Письмо не датировано. Ориентировочно – вторая половина июля 1967 г.

² Дата не проставлена. Примерно – VII. 67.

В Магадане, наверно, есть бывшие старые колонисты.
Колонбюро имело поселок на Оле, в Веселой и пр.

Не вышли ли в Магадане любые справочные издания вроде сборника к десятилетию, который ты посылал?

И вообще всю Колымскую географо-историческую прозу, включая ведомственные доклады, что ли.

Магадан выпустил когда-то книгу Н.А.Жихарева – Очерки Северо-востока РСФСР. Нельзя ли эту книгу приобрести?

Пиши.

Привет Н.В.

Нельзя ли еще экземпляр получить учебника географии для средней школы (Карпова) и все новое, непредусмотренное?

В.Ш.

Москва, 17 апреля 1969

Дорогой Борис.

Спасибо за книжку Яновского.¹ Эту книжку написал подлец. Учебник географии Кузьмина выглядит много порядочнее.

Автор видит решение Колымского вопроса в навечном прикреплении людей к Северу – ясно, что для «комплекса» не имеет значения, чем прикрепляют – длинным рублем или колючей проволокой, – до концлагерей тут один шаг.

Как ни безразлична мне современная Колыма, я с жадностью ловлю каждую кроху сведений о любом дне из тех двадцати лет нашей колымской жизни. Тот исторический период (с 1932 по 1956 год) бесконечно важнее всей Колымы исторической и всей Колымы современной для русской истории.

Поистине мы с тобой наблюдали «мир в его минуты роковые».

Автор брошюры «Человек и Север» хотел бы отменить мороз и ветер, отменить климат. Увы – автор не в силах отменить географию. Он не в силах отменить и историю, как бы ни хотел замолчать, исказить, отрицать все, что было, оболгать мертвецов и прославить убийц.

Привет Н.В.

С уважением и симпатией В.Шаламов.

¹ В. В. Яновский – научный сотрудник Северно-Восточного комплексного НИИ-1, издал книжку «Человек и Север» (Маг. кн. изд., 1969).

Москва, 7 мая 1972.

Дорогая Нина Владимировна.

Сердечное Вам спасибо за рецепты. Помощь оказалась экстренной, хотя и удалена от Москвы за девять (или двенадцать) тысяч километров.

Даже рецепты с датой магаданской удалось использовать – не прошел еще десятидневный срок.

Борису передайте тысячу приветов в больницу, если он уже (или еще) не вышел оттуда. А что с ним? Опасное что-нибудь? Вы не написали.

Шлю вам обоим привет.

Пишите.

Ваш В.Шаламов